

ДРЕВНИЕ НАЗЫВАЛИ ЭТО ДАРОМ,
КОЛДУНЫ — ПРОКЛЯТЬЕМ,
Я ЖЕ ЗОВУ ЛЮБОВЬЮ...

НАТАЛЬЯ НЕСТЕРОВА

Избранник Евы

Между нами, девочками. Истории Натальи Нестеровой

Наталья Нестерова

Избранник Евы

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Нестерова Н.

Избранник Евы / Н. Нестерова — «Издательство АСТ»,
2023 — (Между нами, девочками. Истории Натальи Нестеровой)

ISBN 978-5-17-158548-8

...В девичьих мечтах Избранник представлялся совершенно иным. Высоким, стройным, белозубым философом-поэтом с тонкими длинными пальцами. А москвич, за которым Ева плелась в метро, был крепким брюнетом. И хорошая подача с углового его интересовала больше, чем законы диалектики. Но Ева знала один секрет: мужчины выбирают, будучи давно выбранными... Эта светлая и ошеломляющая повесть Натальи Нестеровой о бессмертной любви, пронесённой через страны и века, не переиздавалась более десяти лет по ряду причин и за это время стала еще актуальнее и пронзительнее. И вот наконец она возвращается к читателям!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-158548-8

© Нестерова Н., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Избранник Евы	8
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Наталья Нестерова
Избранник Евы
повесть, рассказы

© Н. Нестерова, наследники, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

НАТАЛЬЯ НЕСТЕРОВА

НАТАЛЬЯ НЕСТЕРОВА

Избранник Евы

Издательство АСТ
Москва

Избранник Евы

*Татьяне Луниной, чье обаяние
почти волшебное*

I

В Советском Союзе семидесятых годов двадцатого столетия новой эры я оказалась по двум причинам. Хотелось посмотреть на страну развитого социализма и пощеголять в мини-юбке. Если бы я прошла с голыми коленками по улице средневекового города, например во Франции, мужчины сошли бы с ума от вожделения, а женщины немедленно заклеямили бы меня ведьмой и отправили на костёр. Да что там Средние века! Неплохой писатель девятнадцатого века Виктор Гюго писал истеричные письма своей возлюбленной, обвинял ее в бесстыдстве только за то, что, переходя улицу, девушка приподняла юбку и посторонние мужчины увидели ее щиколотки.

Впрочем, стройные ножки не оставляли равнодушными мужчин во все века. Как и блюстителей нравственности, которые почти сплошь старики, давно отгулявшие свою безнравственность.

– Срамотень! – перегородила мне дорогу нагруженная сумками тётка. – Стыдоба! Чего юбку задрала? Задницу отморозишь! А сама белая, как первый снег!

Разве первый снег отличается по цвету от последующих? У русских особое цветовое зрение? И я, видимо, не подхожу под принятые стандарты красоты.

С грубиянами надо обращаться издевательски вежливо. Еще лучше – осадить их сотворением небольшого чуда. На глазах у тётки я стала на десять сантиметров выше и покрылась в ровный шоколадный цвет.

– Так вам больше нравится? – спросила я. – И спасибо за заботу, мне не холодно.

– Гэ-гэ-гэ, бэ-бэ-бэ... – Она вытаращилась и принялась перечислять согласные буквы алфавита.

– Или так лучше? – Я осветлила загар.

– Тэ-тэ-тэ...

– Сейчас вы уроните авоську, – предупредила я.

Реакция старой моралистки никуда не годилась.

Сумка упала, и ее содержимое: туалетная бумага и яйца – вывалилось на землю. О чудесах было мгновенно забыто. Проклиная меня, срамную моду, очереди, дефицит, потребность питаться и справлять естественные нужды, тётка принялась очищать рулоны от белка и желтка.

«Народ, которому туалетная бумага дороже чудес, непобедим, – пришло мне на ум. – Надо подсказать эту мысль какому-нибудь политическому деятелю».

Мой путь лежал на стадион, хотела посмотреть игру под названием футбол. Во времена моих родителей, как и в средневековой Франции, где я хотела поселиться, футбола еще не было. Транзитная остановка неожиданно затянулась на годы. Но обо всем по порядку.

Происходившее на поле мне быстро наскучило. Во-первых, болельщики, судя по их воплям, гораздо лучше разбирались в игре, чем футболисты и арбитры. Во-вторых, выигрывала команда, носящая имя римского раба Спартака. А он мне никогда не нравился. Самые свирепые и кровожадные лидеры получают именно из бывших рабов. В-третьих, спортсмены были одеты! В нелепые шорты, майки, гольфы до колена. Я родилась и выросла в Древней Греции, и хотя меня можно смело считать современницей всех веков и племён, традиции Эллады я люблю особо. Да и каждому человеку представляется, что яблоки на его родине слаще, народ

красивее, обычаи правильнее, солнце ярче, а птицы голосистее. У нас на Олимпийских играх атлеты выступали обнажёнными, полностью нагими или в набедренных повязках. Это давало возможность не только болеть за результаты состязания, но и насладиться красотой юношеского тела. Какой смысл в победах, если нет никакой эстетики, если ты не можешь восхититься самым совершенным творением природы – человеческим телом?

Заскучав, я принялась рассматривать противоположные трибуны. Сидевшие за многие десятки метров от меня люди, конечно, и предположить не могли, что симпатичная девушка видит их как в телевизоре крупным планом. В потоке лиц, гневных и весёлых, кричащих и топающих ногами, самым забавным был дядька, судорожно, по-беличьи грызущий ногти на пальцах. Такая же привычка была у правителя Лесбоса. А что еще ему оставалось, когда на острове поселились подружки Сафо?

Рядом с грызуном сидел парень, чей облик показался мне странно знакомым. Молодого человека я определённо никогда не видела, но словно знала всю жизнь. Он не похож ни на кого из моих родных, но почему-то роднее всех их, вместе взятых. Избранник?

Перспектива быстро найти Избранника меня не радовала. Я хотела бы погулять несколько лет – попутешествовать по странам и временам, познакомиться с великими художниками и поэтами, перекинуться словом с философами, подсказать им пару-тройку идей, а потом, через столетия, увидеть эти идеи в академических учебниках. Но весь второй тайм я наблюдала за молодым человеком, не могла отвести взгляда и поймала себя на желании видеть это лицо круглосуточно, с перерывами на короткий сон. Да и пусть бы он мне снился – не откажусь.

После игры я едва не потеряла молодого человека в толпе, которая двигалась к метро. Отыскала его затылок, как привязанная взглядом, медленно тащилась в потоке и всё терзалась: неужели Избранник?

В девичьих мечтах Избранник представлялся совершенно иным. Высоким, стройным, белокурым, белозубым, философом-поэтом с тонкими длинными пальцами. А москвич, за которым я плелась, следила в метро, был кряжистым брюнетом. И хорошая подача с углового его интересовала больше, чем законы диалектики.

Мы подходили к дому. Пора знакомиться. Сомневаюсь, что он разгадал бы тайный смысл уроненного мной платка. Пришлось действовать примитивно, жертвовать собственным телом. Метод, проверенный веками.

Я обогнала молодого человека. Первой вошла в подъезд, стала подниматься по лестнице и... оступилась. Не подхвати меня вовремя Избранник, я бы лихо пересчитала спиной ступеньки.

– Простите! Спасибо! – поблагодарила я, освобождаясь от его рук, и тут же взвизгнула от боли. – Ай! Не могу на ногу ступить!

– Вывих, наверное. Ничего, обопритесь на меня.

– Пожалуйста, если вам не трудно, помогите добраться до пятой квартиры, там живёт моя тётюшка.

Я положила руку ему на плечо, он обнял меня за талию. Изображать воздушное создание и прыгать на одной ноге – задача не из лёгких.

– Уж не обессудьте. – Он взял меня на руки.

– Господи, как неловко! – почти искренне смутилась я.

К сожалению, впереди было два этажа, а не десять. Я уменьшила свой вес на пятнадцать килограммов, чтобы Избранник не утомился, и заглянула в его мысли.

«Лёгкая как пёрышко, – думал он. – Почему я не живу в небоскрёбе?»

Ход мыслей меня вполне устраивал. В своё оправдание скажу, что более я никогда не копалась в его голове. Бессмысленно, глупо и непорядочно подслушивать мысли дорогих тебе людей. Жизнь потеряет свежесть красок и радость открытий. И даже горечь ссор и раз-

молвок, настойчиво внушала мне мама, должна быть эмоционально острой и свежей. Выльешь на голову ведро холодной воды – взбодрись. Станешь лить по стакану на макушку – замёрзнешь, простудишься.

Моя пра-пра-пра... бабушка паслась в мыслях своего Избранника постоянно, дневала и ночевала, а кончилось всё плачевно. Той пра-пра-пра... жутко не повезло: Избранника нашла среди алеутов на просторах вечной мерзлоты. А что делать? Избранника в лучшие времена и тёплые края не перетащишь. Пра-пра-пра... дедуля ко всему прочему был страстным любителем женского пола. Алеутки в детородное состояние впадали только коротким летом (вроде собак с течкой), дедуля носился по стойбищам и оплодотворял женщин Крайнего Севера. В мозгу его, к ужасу бабушки, клокотала только одна мысль про это самое оплодотворение. Бабушка стала тайком продавать белым старателям песцовые шкуры за огненную воду, превратилась в алкоголичку, спилась и погибла – замёрзла, не дойдя три шага до чума. Так что лучше оставить мужские мысли в тайне и не портить себе жизнь!

У дверей пятой квартиры, возвращённая на одну ногу, я стала благодарить и прощаться:

– Спасибо большое! Теперь всё в порядке, мне тётушка поможет. До свидания!

– Вы позвоните. – Молодой человек не торопился уходить.

На звонок никто не ответил, и я вполне натурально испуганно и растерянno округлила глаза.

– Не волнуйтесь, – подбадривающе улыбнулся почти-Избранник. – Сейчас мы у Елены Петровны всё узнаем. – И постучал в соседнюю дверь.

Ах, какая у него улыбка! Хорошо бы увидеть такую улыбку на лицах своих детей...

Каких детей? Что в голову лезет? Мне неделю назад исполнился двадцать один год! Рано о детях думать! Или пора? Как же мечты о путешествиях, полётах во времени? Дёрнула меня нелёгкая! Футбола захотелось! Юбки революционной! Встретился на пути! Улыбается! А у меня дыхание останавливается...

Реакцию на его улыбку – панический испуг – молодой человек принял за мое естественное беспокойство о покалеченном теле и неясном будущем. Еще раз призвал меня не волноваться. Если бы он не улыбался, я бы не нервничала!

Дверь открыла немолодая женщина с лихо повязанным на голове платком. Так, закрывая лоб и макушку, с узлом на затылке носили косынки пираты. Молодой человек поздоровался с «пираткой» и спросил, не знает ли она, где моя тётушка.

– Два дня назад в Сочи укатила.

– Ой! – пискнула я. – А как же телеграмма? – И внимательно посмотрела на Елену Петровну, чтобы она вспомнила о несуществующей телеграмме.

– Утром принесли, – подтвердила соседка. – Это ты племянница из Киева? Имя еще какое-то чудное.

– Ева, – представилась я.

Имя совершенно простое, можно сказать, первое из женских имён, вызвало у молодого человека поразительную реакцию. И в голову ему не нужно было заглядывать, по глазам было видно – он представил меня без одежды, в чем мама родила. И остался доволен увиденным. Спасибо тётке-моралистке с яйцами и туалетной бумагой, благодаря которой я подогнала свое тело под московские стандарты.

– Паспорт есть? И где твой багаж? Почему на одной ноге стоишь? – сыпала вопросами Елена Петровна.

У меня не было даже дамской сумочки. И, естественно, я не собиралась, обзаведясь чемоданом, носиться по Москве эпохи развитого социализма за Избранником.

– Багаж на вокзале. Сумочку с паспортом в метро срезали, только ручки остались. А еще... вот... ногу сломала... – Я выразительно потянула носом набежавшие слезы. – Как всё ужасно! И тётя уехала!

Колченогая, обворованная, вот-вот готовая разрыдаться, несчастная по всем статьям (одновременно беспомощно прекрасная), я вызвала мощный всплеск жалости и сострадания. Расчёт был точен! Елена Петровна вручила мне ключ от квартиры «тётушки» и посоветовала Кириллу (так звали молодого человека) сводить меня в травмпункт.

В это странное медицинское учреждение для легко покалеченных людей Кирилл нёс меня на руках. Не смущался косых взглядов, а то и откровенно издевательского свиста нам в спину. Я так растрогалась, что рентген показал фигурно-замысловатый перелом лодыжки. Врач вытаращился на снимок и заявил, что меня немедленно требуется везти в больницу на операцию, что следует быть готовой к хромоте, которая останется на всю жизнь. Вот уж нет! Ошибочку я исправила, и врач через секунду, глядя на тот же снимок, произнёс:

– Впрочем, погодите! Это банальная трещина. Наложим гипс и вся недолга.

Целый месяц я честно проносила гипсовый сапог. Прыгая на костылях, сдавала экзамены на исторический факультет Московского университета. Кирилл всё свободное время проводил около меня, «инвалидки», маскируя мужской интерес под дружеское участие.

Псевдотётушку, участкового терапевта с неудавшейся личной жизнью, я отправила посольским врачом в Индию. Там в семье одного дипломата зрел развод, и тётушка его ускорила, утешив дипломата сытными украинскими борщами и протяжными песнями, удивительно ложившимися на душу в тропической жаре. Развод и новый брак не повлияли на карьеру дипломата, что было по тем временам крайним исключением. Уход из семьи не только не поощрялся, но карался самым жестоким образом. Моему «дядюшке» грозила опала, до пенсии перекладывал бы бумажки в каком-нибудь заштатном отделе МИДа. Естественно, я не могла допустить подобной жестокости, и они благополучно отправились в следующую командировку в Индонезию, приобретя репутацию обладателей мохнатой руки на самом-самом верху коммунистической иерархии. А мне досталась маленькая двухкомнатная квартира, которую я славно обставила.

Поженились мы с Кириллом через три года, когда я окончательно убедилась, что он – Избранник. И семейная жизнь с ним стоит отказа от волшебства (почти отказа), колдовства и полётов во времени. Я училась в университете, а он работал инженером на секретно-космическом заводе.

Дай мне волю, я бы в двадцати томах описала наше сближение, каждый день, каждое свидание. Но, боюсь, это будет мало интересно. Вместо двадцати подробных томов скажу кратко. Развитие любви походит на скольжение по гладкой втягивающей воронке. Сладкое втягивание и головокружительное удовольствие. Станным образом я ощущала, что нижняя точка воронки находится во мне самой. Где-то в подреберье, в том, что называют почему-то солнечным сплетением. Именно в этом месте, думая об Избраннике, встречаясь с ним, я чувствовала необычно приятное сдавливание-щекотание-вращение. И теперь точно знаю, что на Избранника, на мысли о нем мое тело реагирует безошибочно – пляшущим хороводом внутри живота.

Интересно, а у других людей задействуются другие органы? Сердце, печень, селезёнка? Или пятки? Ведь говорят: печёнкой чувствую, душа в пятки ушла.

В досвадебный период не обошлось без моих промашек. Я уже говорила, что Древняя Греция – моя родина. Но ведь не признаешься! Кто поверит? Это не с Сахалина в столицу прилететь.

В музеях двадцатого века новой эры время моих родителей представлено жуткими материальными памятниками. Зайдите в отдел Античности – это ущербное кладбище надгробий. Скульптуры с поголовно отбитыми носами, у многих недостаёт рук, ног, дырки в боках... То же самое с литературными памятниками. Полностью сохранились лишь семь трагедий Эсхила, семь – Софокла и девятнадцать – Еврипида, не самого прославленного. От Ферекрата осталось только остроумное высказывание об Алкивиаде, который вначале угождал мужьям, а потом стал опасным для мужей всех женщин. Орывки, обрывки, упоминания, неточные цитаты

талантливейших произведений – по ним судят об эпохе величайшего взлёта человеческого гения! Как тут не возмутиться? Благо бы толковали точно по тексту! Но ведь за уши привязывают к современной морали, к ханжеским устоям христианства. Даже учёные – филологи, историки! Что уж говорить о простых людях.

Первый мой «прокол» (словечко Избранника) случился, когда в компании его друзей кто-то презрительно отозвался о гермафродитах. Я не к месту блеснула эрудицией.

– Греки владели знаниями о двойной природе человеческого существа уже на стадии эмбриона. В четвертой книге «Метаморфоз» Овидий, – вспомнила я дошедшее до их дней произведение, – подробно рассказывает об удивительно красивом пятнадцатилетнем мальчике, к которому воспылала любовью Салмакида – нимфа источника в Карию. Она затащила мальчика в воду и принудила к соитию. Не желая быть разлучённой с возлюбленным, она умолила богов обратить их сплетённые тела в одно...

Тут бы мне и заткнуться, обратить внимание на смущённые лица собеседников, но я воспевала Гермафродита, живописала его влияние на культы и обряды:

– В Греции, в Спарте на свадьбе невеста надевала мужской наряд, а жених – женский. Жрецы Геракла на острове Кос носили женское платье. В Аргосе каждый год проводился праздник, во время которого мужчины и женщины менялись одеждами. Статуи, картины, барельефы с изображением Гермафродита, особенно спящего, прелестны. Это юноша с роскошными женскими бёдрами и мужскими гениталиями. Побывайте в галерее Уффици во Флоренции, в парижском Лувре, в ленинградском Эрмитаже...

В Ленинграде наши приятели могли побывать, но во Флоренции? Заграница была для них так же далека, как Луна.

Хорошо еще, что я не упомянула о своих любимых барельефах с танцующими гермафродитами. Они, двуполые существа, изображались с поднятыми краями одежды, чтобы привлечь внимание к напряженному члену...

Произнеси я, провинциальная первокурсница, «напряженный член», и друзья (что главное – Избранник) были бы шокированы моей распушенностью. Пуританская стыдливость входила в обязательные девичьи достоинства. Какая глупость! Видели бы они фаллические шествия, конкурсы скульпторов на изваяние самого красивого корня жизни!

А в тот момент Избранник ласково погладил меня по головке, приобнял и хитро подмигнул присутствующим:

– Лена, – (так он меня звал при чужих, Ева казалось ему «обнажённым» именем), – сейчас проходит в университете Античность. Хорошо учиться.

Мол, с девочки взятки гладки – начиталась, впечатлилась, не судите строго. Пронесло!

Во второй раз, тоже во время кухонного диспута (лучшие разговоры почему-то велись исключительно рядом с кастрюлями, но ведь можно сказать и иначе – у очага), друг Избранника насмешливо назвал популярную актрису гетерой. По лицам пробежала гримаса презрительной усмешки. Я не могла стерпеть! Моя мама до встречи с папой, со своим Избранником, была гетерой! Да вы мне назовите хоть одного выдающегося деятеля Эллады, в жизни которого гетера не сыграла решающую роль! Моя мама столько жертвовала в храм Афродиты, что ей, моей маме, поставили десять памятных скульптур! А кто были матроны? Клуши, опутанные запретами, – экономки, кухарки, няньки, которым и выйти из дому без сопровождения запрещалось! Правда, мама после моего и через три года брата Тарения рождений превратилась в матрону. Для чужих глаз! А для своих, для семьи, осталась обворожительной и остроумной красавицей. Эти три качества – обаяние, ум и красота – главные для гетеры, но никак не для замужней дамы.

Я тогда разозлилась и выдала речь про историческую роль и значение гетер. Повела о храмовой проституции. Последнее было уж совершенно лишним. Избранник потемнел лицом, кое-как свёл мои пылкие речи к шутке. А потом, наедине, удручённый, словно дур-

ную болезнь у меня обнаруживший, повёл речь о том, что изучение истории плохо на меня влияет, не лучше ли перейти на другой факультет, например филологический... Я поклялась, что оставлю Древнюю Грецию в покое и буду специализироваться на истории Франции.

Ах, как жаль, что нельзя с самым дорогим человеком быть абсолютно искренней и открытой! Нельзя! И простая бытовая жизнь без лукавства не обходится (о чем ниже)!

В свое оправдание скажу, что науку держать язык за зубами я усвоила. И как ни подмывало меня встать на защиту свободной любви (естественной и красивой во времена моих родителей), при брезгливых упоминаниях о распущенных людях я помалкивала.

Мне очень-очень нравились современники Избранника. Они были... Вынуждена употребить слова с негативной окраской... Тупыми и ограниченными... Не судите быстро! Ребёнок, который подходит к паровозу, не понимает принципов работы парового котла, ребёнок туп и ограничен в знании. И в то же время для нас ребёнок – это источник благодати. А паровоз его веселит как громадная игрушка. Отшельник, питающийся травками-муравками, десять лет в землянке мёрзнувший, ничего не смыслящий в реалиях городского бытия, наставляет паломников на праведный путь. Да что он понимает в прибавочной стоимости и закладных на имущество? Но слушают, внимают, верят! И правильно делают!

Так и люди страны СССР, дети и отшельники в одной упаковке. Они безбожники, потому что верят в государство, которое примет их в октябрят-пионеры-комсомольцы, даст им образование, квартиру, устроит на работу, положит в больницу при хвори, отправит в санаторий для долечивания, в положенный возраст назначит пенсию, на которую можно сносно существовать и даже отстёгивать внукам. Их память о былых лишениях очень остра. Моя свекровь на генном уровне впитала от своей мамы и бабушки страх перед войнами и голодом. Чудная женщина, моя свекровь, мама Избранника, при ухудшении международной обстановки делала запасы соли, сахара, спичек, консервов. Бедненькая и скромненькая жизнь в тесных квартирках в сравнении с военным лихолетьем воспринималась райской благодатью. И если бы граждане СССР узнали, какие колоссальные суммы уходят на гонку вооружений, как перекошена экономика страны в милитаризм, они бы, граждане, единодушно поддержали курс партии и правительства. Искренне, а не по привычке, как обычно. Лишь бы не было войны!

Для меня это было странно, так как войны я считала естественной составляющей исторического процесса. И еще две взаимосвязанные вещи меня раздражали в социализме – очереди и дефицит. Очереди – всюду: в магазинах, в парикмахерской, в поликлинике, в прачечной, в обувной мастерской... Треть жизни требовалось провести в очередях за доступным хлебом и дефицитным сыром, что меня, конечно, не устраивало. Подсмотрела, как действуют самые ловкие и ушлые женщины. Они получали дефицитные товары и услуги в обход очередей – по знакомству, как говорилось – по блату. Хотя «блатной» – синоним уголовного, ни о каких нарушениях юридических законов речь не шла. Со временем я обросла «блатом» – знакомыми в мясном, бакалейном, овощном, галантерейном и прочих магазинах, в парикмахерской, химчистке и других заведениях, как их называли, службы быта. Разве это не чудно? Быт скромнейший, но у него есть службы! И самое поразительное: я добивалась меньших результатов, чем иные женщины безо всякого колдовства. Им доставались финские зимние сапоги, а мне – югославские, мне перепадало красной икры, а они выставляли на праздничный стол черную. Так что о преимуществах чародейства перед природной сметкой можно еще поспорить.

Описывать прелести семейной жизни не стану. Да это еще никому и не удалось. Даже классик русской литературы косвенно признался в бессилии, заявив, что все счастливые пары похожи друг на друга. Хотя ничего не бывает в жизни одинаковым – ни двух глотков воды, ни двух вздохов. Что уж тут говорить о человеческих отношениях.

За годы, проведенные с Избранником, я очень изменилась. Мои друзья по университету сокрушённо качали головой: «А ведь подавала такие надежды!» Они помнили меня на первом курсе гордой честолюбивой девицей, умной, язвительной, с большими претензиями.

А к третьему курсу я стала простой, добродушной, растеряла грандиозные карьерные планы. Из журавля в небесах превратилась в синицу на малогабаритной кухне. И я радовалась подобным переменам! Так радуются люди, обнаружив в подполе собственного дома клад драгоценностей. А ведь могли бы и не найти, так бы и жизнь прошла!

Я была хорошей женой, и поэтому наша семейная жизнь походила на ту, что была у Избранника до женитьбы. Его не назовёшь ни блестящим инженером, ни фанатиком-учёным, чтению книг Избранник предпочитал спортивные газеты, а кинофильмы любил те, в которых герои с увесистыми кулаками отстаивают справедливость. К Избраннику тянулись друзья, его обожали коллеги и сослуживцы, потому что здоровая сила, весёлый нрав всегда притягивают людей, которым кажется, что чужое жизнелюбие избавит их от унылости и разочарований. Охота, рыбалка, походы на байдарках были любимыми занятиями Избранника. Он легко переносил большие физические нагрузки, даже получал удовольствие от них. Кроме того, обладал редким в человеческом общежитии качеством – неумением ссориться благодаря развитому чувству юмора. Во всяком конфликте он умел найти смешной момент, выставить его на обозрение, утрировать и тем погасить огонь страстей. То, что было выше его понимания, Избранника попросту не интересовало. Я готовилась поступать в аспирантуру, изучала хитросплетения интриг в средневековой Франции, а Избранник относился к моим занятиям так же, как если бы я увлекалась вязанием или вышиванием. Это слегка обижало меня. За ночёвки в палатке, за спину, натруженную рюкзаком, за комариные укусы, за купание в ледяной воде рядом с перевернувшейся байдаркой – за все эти лишения, на которые я шла только ради Избранника, мог бы он проявить чуточку интереса к моим исследованиям? Ничуть не бывало! Но моя лёгкая обида на Избранника, его небрежение – девочка пустяками увлечена, пусть побалуется – удивительным образом не отщипывали от моей любви, а, напротив, прибавляли к ней. Наверное, какой-то древний женский атавизм, замешанный на половом мазохизме, – самец должен быть умнее, сильнее, увереннее. А мы у него под крылышком отсидимся. Недаром у русских для обозначения семейного статуса женщины говорят: замужем, то есть за спиной у избранника.

К желанию иметь ребёнка мы подошли просто и естественно. Это было нормальное природное движение любовных отношений, ведь им, отношениям, нужно куда-то развиваться. Хотя в начале нашего романа мысль о детях отнюдь не вызывала энтузиазма. Мы видели на примере друзей, в какие хлопоты и заботы повергает родителей появление ребёнка. У молодых отцов появляется нервное беспокойство, а у матерей вовсе нечто куриное в глазах – острая забота о своём насесте. Но постепенно захотелось и нервной заботы, и насеста.

Однажды мы пришли в гости к приятелям, у которых был младенец. В том возрасте, когда сидят, ползают, но еще не ходят. Молочно-пухлый карапуз, щекастый, с перетяжечками на ручках и ножках, он стоял в кроватке, держался за спинку и что-то яростно твердил на своём языке, никому не понятном:

– Гу-гу! Ба-ба! Ва-ва!

Родители включили музыку и попросили малыша:

– А как Ванечка у нас танцует?

Парнишка запрыгал на месте, уморительно отбрасывая ножки. Мы смеялись тем удивительным и чистым смехом, который бывает только при взгляде на ребёнка. В результате активного «танца» с Ванечки сползли штанишки. Между деревянными круглыми прутьями кроватки во всей кукольной красоте маячило его маленькое мужское достоинство. Оно вдруг напряглось, поднялось, и брызнула струя – точно в Избранника, который сидел на корточках перед кроваткой.

– Тихо! Не шевелись, не испугай! – прошептала я.

И все взрослые замерли, покусывали губы, но не смеялись вслух, не то боясь испугать, не то заворожённые этим простым актом, в исполнении младенца почти сакральным.

– На свадьбу пригласил! – сказала мать Ванечки и повела Избранника в ванную.

Такая, оказывается, русская примета: описал тебя ребёнок, значит – на свадьбу пригласил.

Не знаю, как насчёт свадьбы, но маленький Ванечка стал последним толчком к решению иметь ребёнка.

На обратном пути домой Избранник был задумчив и грустен. Я догадывалась о причине, но когда муж заговорил, вздрогнула – невольно он попал в точку тайного и неизбежного.

– Знаю, – сказал Избранник, – что в твоей жизни ребёнок будет таким громадным рубежом – из дочек в матери.

Точнее не скажешь. Родив дочь, я лишусь чудесничества и стану обычной женщиной. Какую-нибудь одну удивительную способность можно постараться сохранить. Музыкальный или живописный талант, способность к языкам, внешнюю красоту и задержку старения, добрый нрав, порождающий восхищение окружающих... У любой женщины можно отыскать золотник. Никто не считает его волшебным. И напрасно! Точно знаю, что я не стану, как бабушка-алеутка, практиковать чтение мыслей мужа. А что моя мама оставила? Не могу точно сказать, она мне кажется кладезем добродетелей и чудес.

После рождения дочери обратного хода нет, поэтому так важно найти своего настоящего избранника. Хотя мой муж, делясь мечтами о ребёнке, конечно, имел в виду другое:

– Твоя учёба, аспирантура, диссертация... Но, возможно, нам родители помогут, у мамы скоро пенсия... Не знаю, как тебе объяснить, это такое чувство... просто что-то биологическое...

Ничто биологическое было мне не чуждо. И мои часы пробили еще раньше, чем у него. Мне давно мечталось, грезилось, как буду держать на руках, кормить своим молоком тёплое беспомощное тельце – его, мое, наше продолжение.

Беременность я переносила легко. Вместе с тем как рос у меня живот, шевелилась и почёсывалась в нем маленькая дочка, сосала пальчик, лягала меня пяткой в печень, постепенно терялись мои чудесные способности. Теперь я уже с трудом заглядывала в чужие мысли, смотрела сквозь стены, не могла быстренько заучить толстый учебник, слетать к маме и объестся сладостями. В Москве не найти моего любимого свежего инжира, только засахаренный. Хотя инжир прекрасно растёт в соседней Болгарии и, кажется, на Кавказе! Многое я уже потеряла, но с маленькими чудесами в ожидании большого Чуда расставалась легко.

Мы сидели на диване, щелкали семечки и смотрели телевизор, когда у меня начались схватки. Тупая, совсем не страшная, какая-то разведывающая боль широкой лентой растеклась внизу спины и мягко отступила. Я замерла, когда такая же волна прокатилась по мне через полчаса.

– Кажется, началось, – сказала я тихо мужу.

– Что? Это? – растерялся он. Но тут же попытался взять себя в руки. – Спокойно, без паники. Я звоню в «скорую», ты собираешься. Нет, ты сидишь, я звоню, потом тебя собираю. Не двигайся! Дыши! Вдох – выдох! Ты хорошо дышишь?

– Великолепно.

Хотя накатывал страх, я не могла не смеяться, когда Избранник разговаривал со «скорой» и умолял немедленно приехать за его рожавшей женой, а на том конце ему втолковывали: «У первородящих это может длиться до двадцати часов, а у вас только началось».

– Девушка! – кричал он в телефонную трубку. – Какие двадцать часов? За это время я сам рожу! Пожалуйста, поскорее! Адрес? При чем здесь наш адрес? А! Правильно, записывайте. Ёлки зелёные, забыл! Какой у нас адрес? – повернулся беспомощно ко мне. – Чего ты смеёшься? Нашла время хихикать! Девушка, это я не вам! Никто не шутит, мы правда рожаем! Обменная карта? Из женской поликлиники? Нет у нас никаких карт! Нашли время бюрократию разводить! Минутку, жена говорит, есть карта. Я не нервничаю! Я спокоен как гиппопо-

там. Интересно, что делает гиппопотам, когда его жена рождает? В зоопарк? Обратиться в зоопарк? Вы меня совершенно запутали. Евочка, тебе больно? Девушка, моей жене очень больно! Делайте что-нибудь! Пишите адрес...

Потом он носился по квартире, складывал в пакет мои туалетные принадлежности и присовокупил к ним свою электробритву.

В карете «скорой помощи», которая везла нас в роддом, схватки стали чаще и болезненнее. Боль захватывала уже не только спину, но и низ живота, в ней появилось что-то острое, электрическое. Эти уколы долго остывали, и я закусывала губы, сжимала со страхом руку Избранника. На секунду передо мной распахнулись его мысли, я в них нечаянно въехала на волне боли. Там судорожно билось: «Зачем мы связались с родами? А вдруг она умрёт?»

– Всё будет хорошо, – сказала я. – Сколько женщин прошло через это. Никуда я не денусь, теперь не умирают от родов.

Я лукавила. Умирают в родах. Раньше часто, в двадцатом веке – реже, спасибо медицине. Моя пра-пра-пра-бабушка, не алеутка, а китаянка, жена мандарина эпохи Синь... Дзинь... не помню, родила дочь, посмотрела на нее. Прошептала: «Не хочу!» – и умерла. Думаю, мама знает, чего не хотела бабушка-китаянка, но мне никогда не говорила, как я ни канючила, выпытывая.

В приёмном отделении нас разлучили. Муж остался за дверью, а меня повели в помещение – холодное, бездушное, чем-то, возможно запахом хлорки, напоминающее предбанник фашистской газовой камеры. Я никогда не была в концлагере, но сравнение напрашивалось. Раздели догола. Одна, без Избранника, среди кафельных стен, я чувствовала себя марионеткой в чужих равнодушных руках. Сделали клизму, побрили ржавым лезвием промежность – всё с продолжающимися нарастать схватками. Дали застиранную рубаху и стоптанные тапочки, велели сесть у стола врача приёмного отделения. Она принялась медленно заполнять длинные листы с заголовком «История родов». Когда родилась, чем болели я и мои родственники – отвечала в перерывах между схватками.

– Ничего, это еще цветочки, – глядя на мои корчи, «успокоила» врач.

Потом санитарка повела меня пешком по лестнице в родовую палату. Все десять кроватей были заняты роженицами.

– Посиди на стуле, пока койка освободится, – сказала, не здороваясь, дежурная сестра и взяла у нянечки мою «Историю».

Тугой и громадный сгусток боли заполнял комнату от потолка до пола. Раскрытое окно нисколько не растворяло его. Напротив, тягучей волной он переваливался через подоконник, тёк вниз и задевал прохожих на улице, которые морщились от непонятной тревоги. В палате же это невидимое ужасное облако постоянно подпитывалось истерикой рожениц. Самые счастливые под действием лекарств спали, но и во сне их лица искажались гримасами боли. Кто-то стонал и плакал, две женщины кричали в голос.

– Да заткнитесь! – крикнула на них акушерка. – Три часа уже воете, оглохнуть можно. В поле бабы рожают, а вы потерпеть не можете. Нечего себя жалеть, о детях подумайте. Сейчас изорётесь, а потом сил не будет тужиться. Щипцами будем тащить, – припугнула она. – Ну и день сегодня, как прорвало вас. В послеродовом уже в коридоре лежат.

Я напряглась, чтобы понять этот кошмар, и увидела, что с грубой акушеркой мне, в сущности, повезло – она была умелой и опытной. Врач, моего возраста молодой человек, сейчас ужинал в соседней комнате. Явно не Гиппократ!

Обезболивающего роженицам не давали, потому что, во-первых, его мало, а женщин много, а во-вторых, лекарства придерживали для абортёв, которые делали по блату.

Сидеть мне было неудобно, и я принялась ходить по палате. Когда начиналась схватка, подходила к окну и, наклонившись, сжимала руками подоконник. В перерывах утешала других рожениц, но послать им избавление от боли не могла – даже самой себе я была бессильна

помочь. Одна из кричавших женщин вдруг так завывала, зарычала по-животному, что прибежали врач и сестра.

– Вот теперь рожает, – удовлетворённо сказала акушерка. – Вставай, пошли на стол.

И женщина действительно поднялась и быстро засеменила в соседнюю комнату, хотя мне казалось, что после того воя остаётся только умереть.

Я сама взяла в шкафу чистое бельё и застелила освободившуюся кровать. «Когда же всё это кончится?» – билось в голове. Но пытка только начиналась. Первые мягкие схватки пробили место, расчистили путь для огненной геенны, в которую погружалось тело. Сознание не терялось, оно как бы стояло рядом и издевательски наблюдало: «Смотри, как тебе больно, ишь, как мучаешься! Так тебе и надо! Получила?» Вся прежняя жизнь, с ее радостями и печалью, со всеми ее персонажами и героями, словно растворилась, я не помнила никого, ни о ком не думала. Только невыносимая боль вбивалась в меня, как указка учителя в нерадивую ученицу: «Вот тебе! Я покажу, как не слушаться!»

Молчать я больше не могла и закричала, тонко, визгливо. По-щенячьи, умоляюще смотрела на врача, который в тот момент делал обход. Молодой человек задержался у моей кровати, присел и стал осматривать меня. В коротком перерыве между схватками, собрав все силы, я вонзилась в его мысли. Хотела узнать, долго ли продлятся мои страдания. А увидела иное.

Он, доктор, испытывал неодолимое отвращение к роженицам. Их разверзнутые, бритые, в порезах, промежности, толстые рыхлые бедра, грязь под ногтями на пальцах ног, некрасивые, потные, искорёженные животной болью лица – всё вызывало брезгливость и тошноту. Он почти привык к тошноте, научился с ней бороться, но жизнь не мила, когда тебя мутит от работы. Человек с хронической морской болезнью не годится в моряки.

– Шёл бы в космонавты, – тихо буркнула я.

– Что вы сказали? – не расслышал доктор.

Но мне уже было не до ядовитых выпадов.

Схватка – девятый вал, цунами раздирающей боли наваливалась, хотела утопить меня.

– Пожалуйста, – быстро, лебезя и заикаясь, прошептала я. Никогда не предполагала, что способна упасть до такого абсолютного раболепия. – Больше не могу, сделайте что-нибудь! Умоляю вас!

– Дайте ей закись азота, – распорядился врач.

Ко мне подкатили аппарат, от которого шёл толстый шланг с маской на конце. Сестра приложила маску к моему лицу, щёлкнула тумблером и сказала:

– Глубоко не дыши. Только когда схватка начинается, три-четыре вдоха. А то совсем пьяная будешь.

Но я судорожно, как неудачливый ныряльщик воздух, принялась втягивать в себя газ – только бы избавиться от чудовищной боли.

Трезвое сознание, наблюдавшее за мной со стороны, отодвинулось, боль тоже слегка отступила, и на освободившемся пространстве показался тёмный туннель. И я пошла по нему, хотя чувствовала, что делать этого нельзя. Я всегда была слишком любопытной – авантюристкой, искательницей приключений. Можно было отсидеться у входа, переждать боль и не соваться в туннель. На его стенах, как на бесконечном экране, показывали кино под названием «Жизнь Евы». До конца туннеля не дошла, но и того, что увидела, хватило. Я увидела Избранника, себя, дочь... Обида – игрушечное детское слово. Обида, умноженная стократно, превратившаяся в молнию, которая разбивает сердце. Не могу этого вынести. Как сказала бабушка-китайка? «Не хочу!» Вот и я не хочу этого видеть и пережить!.. Я прервала себя.

II

Во второй половине пятнадцатого века во Франции двор короля Людовика XI не мог сравниться красотой и блеском с домом его двоюродного брата, бургундского герцога Карла Смелого. Взаимная ненависть двух государей была непримиримой. Карл презирал Людовика, который хитростями, интригами, подкупам пытался подмять под себя раздираемые усобицами провинции. Кроме того, в свое время Людовик, еще дофин, неудачно интриговавший против собственного отца, был вынужден просить убежища у бургундского герцога и жил в его замке несколько лет. За гостеприимство отплатил черной неблагодарностью. Заняв трон, Людовик вскоре начал притеснять права крупных феодалов. В ответ они создали Лигу, которую возглавил Карл, объявивший королю войну.

В битве у деревни Монрели, недалеко от Парижа, погиб мой муж, мой второй муж, первый неудачно свалился с лошади во время охоты и свернул себе шею.

Нечего было и мечтать, свалившись в средневековую Францию, остаться незамужней. Нет, конечно, были варианты: предстать неизлечимо больной, уродливой, припадочной, буйно помешанной. Спасибо, не надо! Девушка, которую не берут замуж, – предмет насмешек, сплетен о ее тайных пороках. О, благословенный двадцатый век, в котором женщина могла распоряжаться своей судьбой! До него еще так далеко! Пока же по всему земному шару действует правило: да прилепится жена к мужу. «Неприлепленной» женщине, особенно крестьянке (а их большинство), не выжить, потому что самой пахать землю, ухаживать за скотом и строить дом невозможно.

Мои мужья были славными, добродушными, незлобивыми существами. Звёзд с неба не хватало, зато быстро выучились пользоваться специальной комнаткой для естественных нужд (туалетом). Оба считали себя героями постельных дел, кичились своей мужской неутомимостью. Но бурные сексуальные утехы происходили исключительно в их воображении. Свой супружеский долг я выполняла, мороча им мозги. О натуральных плотских утехах с кем попало не могло быть и речи. После моего московского Избранника!

Могла бы я подстроить события, чтобы оба супруга не сыграли в ящик? Без труда. Но вмешиваться в исторический ход событий надо с осторожностью, да и супруги мне поднадоели. Руку (колдовство) к их гибели я не прикладывала, нет за мной такого греха. Сами нашли свою смерть.

По случаю траура я не выезжала из своего поместья, и меня навестил близкий приятель Филипп де Коммин. Он привёз соболезнования Карла вдове его вассала и нашёл ее, то бишь меня, вполне спокойной и сдержанно печальной. Признаться, меня не столько интересовали подробности гибели мужа, как сама битва – было совершенно неясно, кто же победил. Политика увлекала меня больше, чем турниры и охота, а ценность человеческой жизни в наше жестокое время была очень мала.

Коммин, маленький, тщедушный и желчный, не менее чем знаменитый шут Карла Бургундского, с ядовитым удовольствием рассказывал мне:

– Никогда еще не встречал людей, столь пылко рвущихся в бой. Неудивительно, ведь перед сражением мы выпили вина едва ли не по бочке на брата. Доблестные рыцари так стремительно ринулись на противника, что смяли своих же лучников, и те не выстрелили ни разу. Герцог, естественно, был в первых рядах и дрался как лев. Увлёкся погоней и позабыл обо всем на свете. Представьте, в итоге его окружили королевские конники! Один из них хлопает Карла по плечу и орёт: «Сдавайтесь, я узнал вас, монсеньор!» Только счастливый случай спас герцога. Мы сражались, как всегда, яростно, то есть никто толком не командовал. Кто-то отсиживался в лесу, вроде умника Сент-Поля, кто-то театрально демонстрировал свою храбрость. Я, признаться, думал только о бегстве.

Сент-Поля я не любила. Он обладал большим умом, но умом, насквозь пропитанным коварством и человеконенавистничеством. На мою нелюбовь хитрый злодей отвечал взаимностью, я же не пропускала возможности нелестно отозваться о нем.

– Сент-Поль служит всем, кому может, – усмехнулась я, – и изменяет всем, кому служит. Вы знаете забавную историю с его послами Людовику? Король спрятал за ширмой послов герцога Бургундского в то время, как сент-полевские всячески поносили перед троном Карла. Людовик прикидывался глухим, просил повторить погромче, а те кривлялись, передразнивая герцога. Король потешался вовсю.

Я знала, что через несколько лет Коммин переметнется к Людовику и после смерти короля напишет мемуары, которым суждено будет стать бестселлером Средних веков. Собственно, чтение этих трудов и подвигнуло меня отправиться во Францию, и я всегда откровенно говорила с Коммином, подсказывая ему порой то, что он сам же напишет.

– Я прервала вас, мой друг. Что же это за счастливый случай, который спас нашего герцога?

Ему лет двадцать пять, хорош собой, безрассудно смел, что для нашего правителя самое главное. Беден, вернее, разорён. Обычная история: мотовство, война с соседями – и семья становится нищей, но гордой воспоминаниями. Карл, конечно, сейчас благодетельствует их. Малый-то, видно, не дурак – не распространяется о том, что спас Карла от плена, только скромно отвечает, что был, мол, рядом с герцогом. Поднадоели мне, честно говоря, эти искатели рыцарской славы. В голове опилки, редкий из них грамотен, расписаться не умеют. И только две вещи торчат в вечной готовности – копье и... – Коммин осёкся и лукаво посмотрел на меня.

Я нахмурилась, ударила его веером по руке, наказывая за вольность, и подумала: «Знал бы ты, каких трудов мне стоило привыкнуть к тому, что от них несёт, как из конюшни, ведь моются только по случайности в какой-нибудь переправе. А сморкаются, плюют, выпускают воздух из желудка и кишечника!»

– Какая прелестная у вас причёска, мадам! – Филипп де Коммин отвесил комплимент, льстиво заглаживая неучтивость.

Комплимент был не из куртуазных. Впрочем, от Коммина я не требовала витиеватых восхвалений. Напыщенными возвеличиваниями моей небесной красоты занимались другие. Но обращение «мадам» компенсировало скудость комплимента. «Мадам» называли только жену, или мать короля, или жену старшего сына короля. Я не имела права на подобное обращение, и его употребление говорило о высшем, хотя и тайном, почтении Коммина.

Моя причёска в тот памятный вечер заслуживает отдельного упоминания. Дамы нашего времени носили на головах геннины – высокие конусообразные уборы, вроде колпаков у сказочных колдунов, звездочётов и фей. На геннин крепилась накидка типа фаты. Чем знатнее дама, тем выше ее геннин. У жены Карла Смелого Маргариты колпаки больше метра, приходилось специально прорубать двери, увеличивать проем. Таскать на голове длиннющий конус – удовольствие ниже среднего. Я помнила по иллюстрациям книг периода учёбы в Московском университете, что в моду войдут новые причёски. Вот я и стану их основоположницей!

Заплела две косы и уложила их вокруг ушей. Отчаянно смахивало на бараны рога. Надо лбом закрепила черную креповую фату (дань трауру), которая спадала почти до пола. Черный цвет считался грубым и неизысканным. Но у меня шились несколько черных платьев с гофрированными белыми воротничками и вставками, расшитыми драгоценными камнями. Платья обещали быть траурными и одновременно соблазнительными. Я не хотела более обременять себя замужествами, собиралась играть безутешную вдову с креном в религиозность. Но не ходить же мне как монашке!

– Что же теперь? – вернулась я к предмету нашего разговора. – Значит, Людовик победил.

– О нет! – усмехнулся Коммин. – Лиге удалось захватить города Нормандии – опоры короля. И он сдался, ублажает теперь наших синьоров, раздаёт провинции. Герцогу досталась Пикардия, и Карл сделает своей столицей Перонн. Мы переживаем время величайшего унижения короля.

– Знаете, Коммин, мне жалко короля. Конечно, подлый, хитрый, трусливый, но он делает благое дело. Покончить с разрухой, вечными усобицами, разбоем можно только в сильном едином государстве.

– Я как-то сказал Карлу, что он не хочет, чтобы во Франции был король. И что он мне ответил? «О, я хотел бы, чтобы во Франции был не один, а шесть королей!»

– Он только и мечтает примерить королевскую корону! Шесть королей – это такое же уродство, как шесть носов на одном лице.

– Меня всегда восхищало ваше остроумие!

– Дарю вам эту мысль в обмен на...

– Помню, помню, помню! – Филипп склонился к моей руке и поцеловал. – Нем как рыба!

Филипп давно, в начале нашей дружбы, дал слово не распространяться о моем остроумии. Женщине могли простить бытовые и царедворские (что почти одно и то же) интриги, мотовство и растраниживание богатства (только на туалеты и украшения), но никогда бы не простили острого, превосходящего мужской ума. Коммин был исключением, поэтому я с ним дружила. Он хранил тайну моего ума не по благородству души, а потому, что получил право приписывать себе мои ядовитые словечки, высказывания и прогнозы.

Мы просплетничали весь день, и, уезжая, Коммин сказал мне, что Карл Смелый сокращает мой траур до одного месяца и желает видеть меня в Перонне.

Коммин! Старый проныра! Он и приехал, чтобы донести распоряжение герцога! Приготовил шпильку напоследок! Наслаждался, видя мою обескураженность и растерянность.

Где вы, русские люди двадцатого века? Как славно было с вами, простыми, честными и безыскусными! Но пресно, скучновато. А теперь – страстей хоть отбавляй. Люди последующих веков, окажись они в эпоху романтического рыцарства, были бы поражены бесконечной вереницей измен, предательских отравлений и всяческих низостей. Романтики – пшик! Постоянное восхваление чести и верности не мешало многим рыцарям промышлять грабежом и разбоем. И в отличие от легендарного Робин Гуда, им в голову не приходило отдать награбленное бедным.

Безрассудный в битвах, Карл и в мирной жизни был прямолинеен и запальчиво упрям. Когда я приехала ко двору, он сразу же заявил, что собирается выдать меня за своего нового фаворита. Мы разговаривали в личных покоях, куда только шут герцога мог входить без доклада. Он и присутствовал при аудиенции. Я умоляла Карла не торопиться, напоминала, что он уже не опекун мне, грозила постричься в монахини, но противные доводы, как всегда, только укрепляли настойчивость герцога в достижении собственных замыслов.

– Ты похоронила двоих мужей! – кричал он на меня. – Двоих! Одумайся, несчастная, ведь ты уже далеко не молода, скоро тебе двадцать исполнится.

Мне уже исполнилось двадцать два, и о старости я не задумывалась даже в минуты отчаянной хандры.

– Монсеньор! – Я молитвенно сложила руки. – Хочу совершить святое паломничество. Прошу вас не торопиться с решением!

– Надо, надо ей помолиться о приплоде, – мерзко ухмыльнулся шут. – Двум благородным рыцарям не удалось оплодотворить графинюшку. Может, епископу повезёт?

Пока я раздумывала, наслать мне на шута проказу, сифилис или икоту, Карл тоже обратил на него внимание.

– Если тебе не по нраву герой-рыцарь, выдам тебя за своего шута! – в запальчивости воскликнул Карл. – Ни в каком монастыре не укроешься! Ты меня знаешь!

– А зачем жениться? – состроил гадкую рожу шут. – Графиня доказала в двух замужествах, что ее наследники не торопятся на свет. Риску нет наплодить шутят.

– С чего ты решил, что можешь человеческих существ на свет производить? – прошипела я. – От тебя только змеи да скорпионы пойдут.

Стала препираться с шутом, чтобы дать герцогу время остыть и воспринять мысленное заклинание. Но мои способности не безграничны, и внушать что-либо человеку, который считает себя божеством, все равно что делать массаж дубовому столу. Мое гневное послание вывернулось в мозгу герцога странным капризом, который он и произнёс беспрекословным тоном:

– Назначаю турнир в вашу честь. Победитель получит вашу руку. А если вы откажетесь нам повиноваться, мы отдадим ему все ваши земли, все ваше имущество. И уж тогда будет зависеть от его великодушия, сколько мой вассал захочет уделить вам для поступления в монастырь.

«Прикололась, клюшка?» – говорил приятель Избранника в незабвенные московские времена своей жене, которую, кстати, очень любил. Ласково – клюшка. Прикололась – попусту потратила время, отстояв восемь часов за билетами на «Таганку». Вот и я с Карлом Смелым прикололась, еще точнее – прокололась.

И в последующие дни мне не удалось внушить герцогу отказ от задуманного. Его мысли были заняты исключительно соблюдением этикета. О, это проклятие Средних веков! Сложнейшие правила на каждый вдох-выдох! Успех дипломатической миссии мог зависеть не от мудрости послов, а от точности соблюдения этикета. В зачёт шли не только одежда, рассадка за столами на пиру, но каждый жест и слово. На переговоры с Людовиком Карл прибыл на лодке, застеленной дорогими коврами, паруса лодки были сделаны из парчи, на плечах у герцога красовался плащ, расшитый золотом и драгоценными камнями, и даже сапоги Карл приказал затянуть парчой и украсить жемчугом. Попробуйте вклиниться в мысли человека, занятого размышлениями обо всей этой мишуре! У меня не получилось. День турнира наступил.

Я сидела под балдахином герцога вместе с его домочадцами и ближайшей свитой. Злилась на себя, потому что не сумела придумать, как избежать этого спектакля. Не устраивать, в самом деле, кровавый праздник, на котором все рыцари перебьют друг друга!

Участники турнира по очереди подъезжали к палатке, снимали шлемы и приветствовали меня. Я кивала с отсутствующим видом, словно они были работниками, которые пришли наниматься на место, которого не существует.

– Судьба прелестнейшей и богатейшей из ваших подданных, монсеньор, отдана на волю слепому случаю, – сказал задумчиво Коммин.

– Заткнись! – огрызнулся герцог.

В глубине души он каялся в своем опрометчивом решении. То ли моя бомбардировка его сознания не полностью пропала, то ли пришла в голову простая мысль: а если победит не фаворит? Наломал дров, а раскаиваться не обучен! Чертово его величество!

В этот момент Карл посмотрел на меня и радостно засмеялся. С моего лица маской сползала равнодушная отрешённость. Перед палаткой гарцевал на лошади Избранник.

– Разве я не говорил, что он хорош собой? – прошептал довольный герцог мне на ухо. – Вижу, он поразил твое сердце с первого взгляда.

«Взгляд далеко не первый, – мысленно ответила я. – Когда-то я знала каждую чётровку на его лице и каждую родинку на теле. Вот, значит, как быть Избранником. Он – один».

Когда-то московская соседка Елена Петровна, вручившая мне ключ от квартиры «тётушки» и потому считавшая себя едва ли не свахой на нашей свадьбе, сказала: «Суженого и на коне не объедешь». Я вспомнила эти слова, глядя на гарцующего, мальчишески самодовольного Избранника. Вот он на коне – почти буквальное воплощение пословицы, утверждающей, что невеста и жених предназначены друг для друга, что от судьбы не уйдёшь. Может,

я даром потратила время, не штудировав сборник пословиц и поговорок? Они и есть Книга Откровений?

Рыцари дрались упорно и с азартом. Сначала их подогрела мысль о моем богатстве, а потом захватил дух состязания.

– Скажи им сейчас, что приз – рука не графини, а посудомойки с барской кухни, все равно не остановятся, – проговорил шут странным для него печальным голосом.

С шутком я, очевидно, дала промашку. Не увидела, что за отвратительной внешностью горбуна скрывается ранимая душа. За его выпадами в мой адрес – трагическая влюбленность. Завязала дружба с Коммином, потому что читала о нем через четыре столетия, а о шуте встречала только упоминания. Но теперь я легко видела, что творится в их сознании. Филипп де Коммин жалел меня самую чуточку, больше развлекался. А шут был готов отдать за меня жизнь! Не просто отдать, а по капле расстаться с ней в самых страшных пытках! Бедный, бедный шут! Я даже не знаю твоего имени. И нет в моих чувствах уголка для тебя. Какие уголки, когда на поле Избранник?

В последнем бою сошлись победители предыдущих поединков – Избранник и барон Люмэн. Его еще называли Кровавым Бароном за свирепую приверженность к дракам и сражениям. Поговаривали, что, когда Люмэн не занят у герцога, он промышляет в лесу с бандой разбойников – так велика его тяга к насилию и кровавым расправам.

Оба рыцаря устали, но барон, привыкший к ратным нагрузкам, держался тверже, чем Избранник, на стороне которого была только молодость. Противники отъехали на требуемое для боя расстояние. Избранник пригнулся к луке и посмотрел на меня. Я незаметно махнула ему платком. Когда всадники на полном скаку сошлись на середине площадки, ни один из них не промазал – удары пик попали в защищенные латами груди, и оба рыцаря свалились с коней. Несколько минут они лежали на земле неподвижно. Первым очнулся барон Люмэн и стал медленно подниматься, потом зашевелился Избранник.

– Пусть продолжают, – распорядился герцог.

Противники не нуждались в подталкивании и взялись за мечи, когда стали на ноги. Некоторое время они кружили друг против друга, собирая силы. Затем последовало несколько взаимных выпадов, удачно отраженных. Но вот Люмэн сделал обманное движение, и Избранник отреагировал на него. В ту же секунду на его голову обрушился сокрушительный удар меча. Шлем раскололся, Избранник рухнул на одно колено. Голова не пострадала, лишь прядь волос и кончик уха снес вражеский меч, из раны брызнула кровь.

Я не выдержала. Вскочила со своего места и закричала:

– Нет! Адам!

Имя, которое я невольно выкрикнула, прозвучало как боевой клич «Вперёд!» на чужом языке. Поддавшись порыву, я не только заорала в голос, но мысленно выстрелила в Избранника. Мой призыв с силой футбольного мяча, пущенного со штрафного по пустым воротам, ударил в мозг Избранника. Он в изумлении повернул ко мне лицо.

Пусть простит меня за сравнение его головы с пустыми воротами. Хотя аналогия весьма точная, надо признать.

– Графиня, вы ведёте себя неблагоприятно, – сказала жена герцога, – пожалуйста, сядьте и постарайтесь не демонстрировать своих симпатий.

Но я не слушала ее.

«Ты будешь валяться здесь побеждённым, а я носись за тобой по векам и столетиям! У монголов Чингисхана, в арабском гареме, в африканском племени – все будет одно и то же» – эта чужая, злая мысль вонзилась стрелой в сознание Избранника. Он ничего не понял и видел только, что красавица графиня, нарушая все мыслимые приличия, машет ему яростно платком.

– А-а-а! – радостно зарычал Избранник, вскакивая.

Он собрал все силы и обрушился на противника. Оторопевший Люмэн не ожидал выпада, не сумел вовремя защититься, и меч Избранника поверг его на землю в глубоком обмороке.

Ребячливо гордый, усталый, перепачканный грязью и кровью, Избранник приковывал к нашему шатру.

– Рукав, графиня! – приказал мне герцог.

По обычаю мы носили платья с отстёгивающимися рукавами, чтобы дарить их рыцарю, которому оказывалось благоволение.

Медленно, словно нехотя, я сдёрнула рукав верхнего платья и швырнула Избраннику. Он прижал тряпку к губам. А потом я вдруг сорвала второй рукав и бросила шуту. Никто не заметил моей вольности, как и удивительного озарения на лице шута. На секунду шут стал прекрасен и божественно красив. Он будет носить на груди кусочек моего платья сложенным, упакованным в амулет, до смерти. И этот миг, и этот кусок тряпки станут для него искуплением за все страдания и унижения уродства.

Никто не заметил моей вольности, потому что взоры были прикованы к милости герцога, который протянул Избраннику ногу, обтянутую парчовыми штанами. Считалось, что прикосновение к одежде короля излечивает от недугов. Карл как бы «лечил» Избранника от ран. Но если вспомнить, что Избранник волок на себе Карла после позорной битвы у Монрели, то по меньшей мере уже обрёл бессмертие.

Все ликовали: герцог хохотал от радости, ведь вышло, как он задумывал, придворные подобострастно вторили, рукоплескали – десятки улыбающихся ртов, демонстрация битых кариесом зубов. Шут глотал слезы умиления. Коммин прикидывал, как отразится на нашей дружбе мое новое замужество. Избранник переживал оглушительный триумф победителя, весьма схожий с тем, что охватывает победителя Олимпиады. Только жена герцога внутренне злилась на мою новую причёску, рядом с которой ее метровый рупор на голове смотрелся потешно. Маргарита, бедняжка, не могла накрутить на уши такие же бараньи рога, потому что имела волосики жиденькие и редкие. Надо будет подсказать ей идею шиньонов. Ссориться с госпожой недальновидно.

Что чувствовала я? То же, что переживает любая женщина, которая после долгой разлуки видит наконец своего любимого.

Свадьба была пышной и шумной, а жизнь наша после нее тихой и счастливой. Избранник не влюбился в меня с первого взгляда. Тогда, на турнире, он едва держался на ногах от усталости и от опьянения победой. Мою небесную красоту он рассмотрел позднее, как и восхитился чудным нравом. Да и браки по любви в наше жестокое время считались абсолютной глупостью. Брак был сделкой, политическим или экономическим ходом. Но многие молодые влюблялись друг в друга после свадьбы. Как мы. Точнее – Избранник.

С каждым днём моего мужа всё глубже затягивала воронка под названием «любовная страсть», он истово благодарил Бога за нашу встречу. Да и я на всю отпущенную мне силу темперамента упивалась присутствием рядом, после затяжной командировки во временах и странах, моего Избранника.

Вместе с мужем в моем замке поселились несколько десятков его родственников, приживальщиков, друзей и дворни. Всех я приласкала и одарила, они относились ко мне как к своей королеве.

Избранник мало интересовался политикой – она заключалась для него в боевом кличе герцога, который призывал своих вассалов на какую-нибудь битву. Поэтому я не посвящала Избранника в свои интересы. Впрочем, король Людовик тоже не подозревал, что имеет при дворе своего врага умных и хитрых союзников – меня и Филиппа де Коммина. К сожалению, Избранник отчаянно невзлюбил Филиппа. Виной тому элементарная ревность – Избранник не мог пережить, что я дарю кому-то улыбку или два часа беседы. С Коммином мы переписывались втайне от мужа. Двигать вперед историю страны гораздо увлекательнее, чем изучать

ее в университете. Но за увлечения надо платить. Лукавством. Ни в какие века жене не обойтись без вранья самому дорогому человеку! Говорю со знанием дела.

После свадьбы Избранник не вспоминал о своем любимом времяпрепровождении. Рыбалку, походы и байдарки Избранника эпохи социализма в Средние века заменяли турниры, охота и пиры. Муж не мог прожить без меня и дня, если не видел несколько часов, тосковал, как ребёнок. Но я боялась, что наступит пресыщение, и поэтому постепенно возвращала его к прежним привычкам. Правда, муж никогда не отправлялся на охоту, если я чувствовала недомогание, и не участвовал в турнирах, если я не могла на них присутствовать. На пирах так шумно и бурно прославлял жену, заставляя пить за мое здоровье, что гостей часто выносили из зала в бесчувственном состоянии.

Прошло три счастливых и безмятежных года (битвы, турниры, интриги, склоки – не в счёт). И при дворе наша семья стала приедаться своим непорочным счастьем. Мы служили своего рода укором царившим разнузданным нравам. Многим доставило бы удовольствие найти в нас какой-нибудь изъян. Поэтому брошенный шутлом Карла Смелого слух о моей бесплодности быстро стал добычей сплетников. Слух муссировали и родственники Избранника, которые по непостижимой человеческой натуре мстили мне за мои же благодеяния. Интриганский нарыв прорвало на пиру у Карла. Пьяный шут, привыкший к тому, что ему всё сходит с рук, предложил Избраннику помочь осеменить его жену...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.